

ствам могут относиться действия, связанные с хищением персональных данных, их незаконным сбором, обезличиванием, хранением и т. д., принятием мер по обеспечению сохранности персональных данных и их защите.

Под субъектом преступления понимается лицо, осуществляющее воздействие на объект уголовно-правовой охраны и способное нести за это ответственность. Субъект посягательств на персональные данные в определенной степени тождественен с субъектом посягательств на информационную безопасность, однако имеет определенные особенности.

В сфере информационной безопасности известный советский и российский ученый Е.П. Ищенко выделяет следующие группы преступников:

хакеры – лица, рассматривающие меры защиты информационных систем как личный вызов и взламывающие их с целью получения контроля за информацией независимо от ее ценности;

шпионы – лица, взламывающие защиту информационных систем для получения информации, которую можно использовать в целях политического влияния;

террористы – лица, взламывающие информационные системы для создания эффекта опасности, который можно использовать и в целях политического влияния;

корпоративные налетчики – служащие компании, взламывающие компьютеры конкурентов для экономического влияния;

воры – лица, вторгающиеся в информационные системы для получения личной выгоды;

вандалы – лица, взламывающие системы с целью их разрушения;

нарушители правил пользования ЭВМ, совершающие противоправные действия из-за недостаточного знания техники и порядка пользования информационными ресурсами;

лица с психическими аномалиями, страдающие новым видом заболеваний – информационными болезнями или компьютерными фобиями.

Как видно из данной классификации, все виды субъектов связаны со взломом информационных систем, использованием компьютеров и иных автоматизированных технологий. Цели у преступников разные, однако всех их объединяет профессиональная возможность совершать данные преступления.

Взламывать информационные системы и похищать личную информацию граждан также могут субъекты посягательств на персональные данные. Однако только малая часть субъектов совершают такие деяния.

Общий возраст, с которого наступает уголовная ответственность за преступления против информационной безопасности, составляет шестнадцать лет, в то время как посягательства на персональные данные часто совершают лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, а также малолетние. Например, недавно подростки украли жесткие диски с личными данными учеников и использовали их в личных целях.

Одним из видов посягательств на персональные данные является киберпреследование, которое отличается тем, что виктимизации подвергается одна и та же жертва, а преступление представляет собой цепочку инцидентов разной степени тяжести, которые стабилизируют постоянное и продолжительное влияние преступника на пострадавшую сторону. Нередко главным средством совершения такого преследования является использование персональных данных, позволяющих манипулировать личностью.

Особый вид субъектов посягательств на персональные данные – сотрудники коммерческих компаний, действующие по поручению своих руководителей. Часто незаконный сбор персональной информации не связан со взломом информационных систем, так как преступники используют ухищренные способы получения персональной информации, пользуясь халатностью самих потерпевших.

Специфической категорией субъектов, осуществляющих посягательства на персональные данные, являются представители государственных органов, иных организаций, осуществляющих сбор персональных данных либо имеющих доступ к этим данным. В Республике Беларусь существует более сотни различных баз персональных данных во всех сферах жизнедеятельности. С одной стороны, сотрудники имеют открытый доступ к таким базам для выполнения производственных заданий, а с другой стороны, могут использовать персональные данные в личных целях, не связанных со служебной деятельностью.

Таким образом, субъекты посягательств на персональные данные представлены достаточно широким кругом граждан разных сфер жизнедеятельности, разного возраста. Это профессиональные хакеры, сотрудники коммерческих организаций и государственных органов, и не только работающие, но и безработные, учащиеся и т. д. Классификация субъектов посягательств на персональные данные зависит от целей посягательства, например в рамках киберпреследования субъектом может быть бывший супруг либо сосед, коллега по работе. Указанное следует принимать во внимание при формировании специального уголовно-правового состава, направленного на криминализацию посягательств на персональные данные, при осуществлении предупредительной и профилактической деятельности правоохранительных органов.

УДК 343.352

В.М. Веремеенко

ВЛИЯНИЕ ОБМАНА И ЗАБЛУЖДЕНИЯ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Проблема взяточничества входит в число актуальных проблем современной политики государства. Основополагающим инструментом минимизации негативных последствий преступлений, составляющих взяточничество, является эффективное применение уголовного закона, отдельное звено которого – это правильная квалификация содеянного виновными лицами. Анализ судебной и следственной практики по делам данной категории свидетельствует о сложности этого процесса, много-

численности ошибок, допускаемых при квалификации взяточничества. Определенные сложности для правильной квалификации взяточничества имеют вопросы о влиянии обмана и заблуждения.

Наиболее типичный вид обмана при получении взятки отмечается в ситуации, когда должностное лицо получает материальное вознаграждение якобы за совершение соответствующих действий по службе, на которые оно не имеет необходимых служебных полномочий, при наличии умысла на завладение указанным вознаграждением. Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» такие действия квалифицируются как мошенничество. В научной литературе отдельные авторы, обосновывая позицию Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, справедливо указывают, что содеянное должностным лицом нельзя квалифицировать как получение взятки, так как получатель ценностей в этих случаях не является субъектом получения взятки и должен рассматриваться как субъект, который не может совершить получение взятки.

Вместе с тем высказывается и мнение о том, что подобные действия должны квалифицироваться как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями или как превышение власти или служебных полномочий.

По мнению же ряда авторов, обманное завладение должностным лицом чужим имуществом под видом взятки не может рассматриваться как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Обосновывая свою позицию, они указывают, что сущность хищения в указанной форме состоит в использовании должностных полномочий в отношении имущества, находящегося в законном обороте. Но имущество в виде взятки не может быть включено в законный оборот, поэтому никаких полномочий в отношении этого имущества нет. Должностное лицо, которое путем обмана под видом получения взятки завладевает имуществом другого лица, нельзя признать субъектом, изначально имеющим право распоряжаться этим имуществом, в смысле ст. 210 УК.

Признавать содеянное в этой ситуации превышением власти также нельзя, так как оно не сопряжено с противоправным завладением чужим имуществом.

В этой связи представляется верным подход к квалификации указанных обманных действий должностного лица, который изложен в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве».

Дискуссионным является вопрос о квалификации действий субъектов взяточничества в тех случаях, когда имеет место обман в намерении выполнить действия, входящие в компетенцию должностного лица. В научной литературе по этому вопросу высказываются различные точки зрения. Одни авторы полагают, что если должностное лицо обманывает в своих намерениях и принимает вознаграждение, заведомо не собираясь выполнять оговоренные за вознаграждение деяния, то должностное лицо отвечает за получение взятки, а лицо, предоставившее такое вознаграждение, подлежит ответственности за дачу взятки.

Вряд ли можно согласиться с данным подходом по квалификации указанных деяний, так как в обозначенной ситуации отсутствует один из признаков субъективной стороны получения взятки – волевой момент умысла. Поэтому изложенный обман должностным лицом потенциального взяткодателя должен квалифицироваться как мошенничество, злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Хотелось бы обратить внимание и на некоторые другие спорные аспекты рассматриваемой темы. Так, тесно связан с квалификацией дачи и получения взятки вопрос о правовой оценке в различных ситуациях преступления, предусмотренного ст. 432 УК. В первую очередь речь идет о мнимом посредничестве, оценка которого в литературе отличается разнообразием. Некоторые ученые считают, что, если мнимый посредник склоняет взяткодателя к совершению преступления с намерением завладеть его ценностями и фактически присваивает их, содеянное следует квалифицировать как мошенничество и подстрекательство к покушению на дачу взятки.

В литературе по данному вопросу высказаны и другие точки зрения, в частности о квалификации таких действий мнимого посредника как подстрекательство или пособничество в покушении на дачу взятки либо как подстрекательство или пособничество в даче взятки. В данном вопросе нам представляется правильной позиция А.В. Грошева, который считает, что действия мнимого посредника нельзя квалифицировать подобным образом, так как «умысел лжепосредника направлен не на совместное совершение единого для всех соучастников преступления (дачи взятки), а на создание условий для завладения чужим имуществом... Действия, внешне напоминающие подстрекательство к даче взятки, по сути, являются способом совершения мошенничества».

Вопросы квалификации действий лжепосредника в подобных ситуациях получили разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» в п. 16: действия лица, которое получает ценности якобы для передачи должностному лицу и, не намереваясь исполнить свое обещание, присваивает эти ценности, следует квалифицировать как мошенничество. Если же в целях завладения имуществом взяткодатель склоняется данным лицом к даче взятки, то содеянное, помимо мошенничества, квалифицируется и как подстрекательство к даче взятки.

Полагаем, что рекомендация Пленума Верховного Суда о квалификации действий мнимого посредника как мошенничества является вполне правильной. Вместе с тем, на наш взгляд, разъяснение о дополнительной квалификации таких действий, как подстрекательство к даче взятки не бесспорно. Во-первых, подстрекатель является одним из соучастников преступления, а следовательно, необходимо наличие признаков соучастия в преступлении. Но мнимый посредник во взяточничестве и лицо, которое склоняется к передаче взятки, нацелены на совершение различных преступлений и совершают различные действия. Лжепосредник создает условия не для дачи взятки, а для завладения ценностями, а их владелец стремится к даче взятки и совершает для этого соответствующие действия. Таким образом, нет ни совместности преступных действий, ни общности преступного результата. И во-вторых, отсутствует и двусторонняя субъективная связь указанных лиц. Ведь умысла у лжепосредника на дачу взяткодателям взятки нет – имеет место имитация дачи взятки, так как должностное лицо не получает взятки.

Таким образом, представляется целесообразным дальнейшее изучение данного вопроса с учетом результатов деятельности правоохранительных органов и потребностей правоприменительной практики, а при необходимости и обновление и корректировка правил квалификации рассматриваемых преступлений.

УДК 343.233

И.В. Веремеенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ В СИЛУ ЗАКОНА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПОСРЕДСТВЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Современное уголовное законодательство Республики Беларусь закрепляет две формы посредственного исполнения: использование лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности, и использование лиц, совершивших преступление по неосторожности.

Как нам представляется, первая форма посредственного исполнения преступления, являясь открытой, может включать в себя разные виды, определяемые используемым лицом, не подлежащим в силу закона уголовной ответственности:

не достигшим ко времени совершения преступления установленного УК возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

не осознающим факта их использования для совершения преступления;

находившимся в состоянии невменяемости во время совершения общественно опасного деяния;

при наличии отдельных обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе путем физического или психического принуждения.

Возраст наступления уголовной ответственности установлен ст. 27 УК. Лицо, использующее для совершения преступления несовершеннолетних, не достигших ко времени совершения преступления установленного УК возраста привлечения к уголовной ответственности, само должно обладать возрастными признаками субъекта, предусмотренными ст. 27 УК. При этом это лицо будет признаваться исполнителем преступления, а согласно разъяснениям, содержащимся в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», еще и посредственным причинителем вреда. Кроме того, в указанной ситуации согласно разъяснениям, содержащимся в п. 19 данного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК для совершения преступления, является посредственным исполнителем этого преступления и непосредственным исполнителем противоправного деяния, предусмотренного ст. 172 УК.

Как показывает анализ научной литературы и уголовного законодательства, при посредственном исполнении преступления используются следующие лица, не осознающие факта их использования для совершения преступления:

несовершеннолетние, которые достигли предусмотренного УК возраста привлечения к уголовной ответственности, но не подлежащие уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), в результате чего во время совершения общественно опасного деяния не способны сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния;

не осознающие факт их использования для совершения преступления вследствие обмана.

Посредственное исполнение преступления с использованием лиц, не осознающих факта их использования для совершения преступления, достаточно подробно рассмотрено в учебной и научной литературе и не требует слишком детального его изучения. Важно отметить, что для признания лица посредственным исполнителем устанавливается факт осведомленности виновного о том, что вовлекаемое им для совершения преступления несовершеннолетнее лицо не подлежит уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии. Указанное обстоятельство, по нашему мнению, является весьма неоднозначным, поскольку способность несовершеннолетним сознавать фактический характер или общественную опасность совершенного общественно опасного деяния определяется только по результатам психологической или психолого-психиатрической экспертизы. И при использовании несовершеннолетнего для совершения преступления вряд ли виновный будет достоверно знать об его отставании в психическом развитии. Он в большинстве своем может только предполагать данное обстоятельство.

Использование обмана для вовлечения лица в совершение преступления будет иметь место при наличии фактической, имеющей юридическое значение извинительной ошибки. В действиях лица, которое используют для совершения преступления, усматривается казус (случай). Оно вследствие добросовестного заблуждения не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Например, виновное лицо просит кого-либо передать посылку, содержащую оружие или наркотические средства, пакет, в котором содержатся денежные средства, предназначенные для дачи взятки должностному лицу. При этом содержащиеся посылки или пакета, а также назначение передаваемых вещей им сохраняется в тайне от вовлекаемого лица.

Использование для совершения преступления не подлежащих уголовной ответственности невменяемых лиц как вид посредственного исполнения общепризнано в теории уголовного права и не вызывает особых разногласий. На него указывает, как и при использовании несовершеннолетнего, отстающего в психическом развитии, осознание лицом факта использования для совершения преступления именно невменяемого лица. Если факт невменяемости вовлекаемого лица будет установлен после совершения им преступления, то при соблюдении определенных условий можно вести речь о других видах посред-